

Когда двое ушли и их силуэты скрылись за дверью, преподобный Цинъян отпил из пиалы. Он никак не мог привыкнуть к терпкой горечи дешевого чая. Намереваясь завести разговор с Гу Янем, он произнёс:

— Янь-эр...

Но его тут же перекрыл дружный, оглушительный рев, донесшийся из главного зала:

— Великолепно!

— Как и следовало ожидать от героя клана Чжу!

— Не только силен и искусен в фехтовании, но и благороден, будто истинный цзюньцзы! Настоящий оплот Союза бессмертных, пример для учеников всех двухсот восьми сект!

— Воистину! Иметь такого сына — высшее счастье!

Посреди трактирного зала на импровизированном помосте стоял сказитель в синем халате. Похлопывая дощечкой-пайбань, он красноречиво и захватывающе повествовал о подвигах молодого господина из рода Чжу.

Сказание, заставившее слушателей затаить дыхание, именовалось «Гуаньинь, дарующая детей».

Гу Янь уже слышал эту историю.

Десять с лишним лет назад шестнадцатилетний Чжу Юэнин только-только сформировал Золотое ядро и, следуя негласному правилу аристократических кланов, впервые отправился на испытания в Союз бессмертных. Проходя мимо пригорода Фэнлиня, он заметил вереницы молодых мужчин и женщин, шедших с благовониями и дарами к храму Гуаньинь. Ведомый любопытством, он последовал за ними.

Святылище ютилось в кленовой роще, пылавшей багрянцем. И среди клубов благовонного дыма статуя Гуаньинь, коей надлежало вызывать умиротворение и сострадание, вдруг явилась юноше в недобром, зловещем свете. Чувя неладное, Чжу Юэнин задержался в Фэнлине на полмесяца и в конце концов пролил свет на жуткую тайну: под видом милосердной богини скрывался злобный дух, впитавший мрак и темные затаенные обиды.

Молодые супруги, молившие о продолжении рода, получали желаемое — статую славили за невероятную отзывчивость. Однако «младенцы», которых она посылала, не имели ничего общего с плотью и кровью, выношенными под сердцем. То была лишь иллюзорная человеческая кожа, натянутая на ступки скверны и тёмной ярости. Постепенно пожирая жизненные силы родителей, сущность обретала плоть, а едва сформировавшись, начинала

выпивать жизнь изо всех, кто оказывался рядом.

Такие «дети» становились проклятием для семьи: они сводили в могилу родителей, губили жен и отпрысков. Даже соседи, слишком часто соприкасавшиеся с ними, чахли от болезней или погибали от внезапных несчастий.

За сотню лет злобный дух Гуаньинь погубил сотни душ. Но действовал он скрытно, не устраивая кровавых расправ над десятками людей разом, а потому даже ученики Союза бессмертных, несшие службу в Фэнлине, не замечали в городе ничего подозрительного.

Лишь случайное появление Чжу Юэнина спутало карты темной сущности.

Почувствовав затаившуюся скверну, он вовремя раскрыл правду и не дал духу обрести божественный статус, тем самым спася Фэнлинь от неизбежной резни.

Когда Чжу Юэнин сокрушил каменное изваяние, то успело пожрать девятьсот девяносто шесть жизней. Ему оставалось поглотить еще четверых, чтобы сбросить глиняную оболочку и явиться в мир воплощенным кошмаром, не ведающим преград.

Эта битва принесла Чжу Юэнину славу гения.

И он сполна заслужил это имя, подумал Гу Янь.

Ныне, слушая сказителя, люди восхищались лихими поворотами судьбы, а их кровь закипала от восторга. Но легко восторгаться, когда исход заранее известен.

Тогда же шестнадцатилетний Чжу Юэнин в одиночку ступил в город, где в каждом переулке таились стуски злобы, а каждый житель молился лживому идолу. То не было легкой прогулкой — юноша ступал по краю пропасти, где единственный неверный шаг грозил смертью.

И все же он сумел действовать тонко и рассудительно: шаг за шагом подобрался к логову, с помощью Указа Яшмового Цветка истребил стуски скверны, а затем вдребезги разбил старинный идол, спасая весь город.

И было ему тогда всего шестнадцать лет!

Шестнадцать!

Гу Янь в шестнадцать едва достиг шестого уровня Концентрации Цзи и не мог одолеть даже демонического зверя пятого ранга в горной гряде Заходящего Солнца. А Золотое ядро казалось ему недостижимой вершиной.

Если не Чжу Юэнин — герой и гений, то кто же?!

Сказитель говорил мастерски, увлекая слушателей. Гу Янь всматривался в пространство, и перед его взором словно вставал образ юного Чжу Юэнина: развевающиеся белые одежды, клинок в руке и неукротимый пыл юности, с которым тот один вступил в противоборство со скверной, затаившейся в огромном городе.

Истинное благородство и отвага.

Дослушав сказание, Гу Янь остался весьма доволен и бросил сказителю небольшой серебряный слиток в пять лянов. Тот, обладая цепким взглядом, подхватил щедрый дар и благодарно поклонился.

Преподобный Цинъян с удивлением посмотрел на ученика:

— Янь-эр, тебе нравятся подобные истории?

— Нет, — спокойно ответил Гу Янь. — Просто история хороша.

Имя Чжу Юэнина гремело по всему миру, его знал каждый.

Цинъян мгновенно понял ход мыслей ученика. Отхлебнув чаю, он с улыбкой произнес:

— Молодой господин Чжу действительно непревзойденный муж. Сформировать Золотое ядро в шестнадцать лет — небывалый подвиг. Слыхом не слыхано. — Старик на мгновение задумчиво замолчал и со вздохом добавил: — Какая жалость...

Прежде имя Чжу Юэнина звучало как синоним слова «гений». Теперь же, произнося те же слова, люди неизменно добавляли — кто сочувственно, а кто и с ядовитой злорадной ухмылкой: «Какая жалость».

Три года назад двадцатилетний Чжу Юэнин предпринял попытку пробиться на стадию Зародившейся Души. Однако скорбь небесных молний развеяла его культивацию и навсегда повредила духовные каналы.

За три прошедших года он так и не смог снова ступить на путь Концентрации Цзи.

Некогда вознесенный до самых небес, гений рухнул на землю, и его смешали с грязью.

Отовсюду посыпались упреки. Его называли надменным, горделивым глупцом, безумцем, переоценившим свои силы!

Какая дерзость — в двадцать шесть лет попытаться разрушить ядро и сотворить зародившуюся душу! Двадцать шесть! Не сто двадцать шесть и не двести шестьдесят! Даже если бы речь шла о гениях с единичным духовным корнем, в которых секты вкладывают все свои ресурсы, достижение восьмого превращения Золотого ядра в таком возрасте заставило бы старейшин воскурять благодарственные благовония предкам!

Как он посмел?! Как дерзнул посягнуть на уровень Зародившейся Души в столь молодые лета?!

Среди всех бессмертных предков Союза, перешагнувших порог Зародившейся Души, едва ли найдется трое, сделавших это до ста лет. И каждый из них был признанным гением, рождающимся раз в столетие.

Когда три года назад Чжу Юэнин потерпел неудачу, кто-то спросил у него прямо в лицо: «Неужели небеса одарили тебя лишней дерзостью, раз ты осмелился на такое безумие? Ищешь ли ты гибели, намереваясь пробить брешь в самих небесах?!»

Что ответил Чжу Юэнин, не знал никто. Но силы, способной пробить небеса, он явно лишился.

Спустя всего полмесяца после его провала клан Чжу с пышными почестями принял отпрыска из боковой ветви.

Поговаривали, что этот юноша обладал единичным духовным корнем металла, идеально подходившим для искусства меча. Ему исполнилось тридцать, и он уже сформировал безупречное Золотое ядро девяти превращений, обещая стать великим мастером.

Все догадывались, что род Чжу решил отречься от Чжу Юэнина. Так оно и вышло.

Через полгода клан официально объявил Чжу Юй — так звали выходца из боковой ветви — новым наследником. Все ресурсы, прежде предназначавшиеся Чжу Юэнину, перетекли к Чжу Юй. Даже меч «Рассекатель Звезд», откованный по личному заказу Юэнина, передали новому любимчику.

Старейшины Чжу заявляли, будто уникальный клинок ранга Ди в руках Чжу Юй вновь явит миру свое величественное сияние, тогда как у беспомощного калеки он лишь покрылся бы пылью.

И никто в Союзе бессмертных не осудил их. Клан Чжу занимал третье место среди трех сект, шести школ и восьми кланов, обладая неисчислимыми богатствами и непререкаемым авторитетом. Чтобы побеждать на испытаниях и в тайных обиталищах, им требовался сильный молодой глава, способный вести клан к процветанию.

Не мог же весь род гинуть вслед за павшим гением.

А Чжу Юэнину досталось лишь вздыхающее «какая жалость».

— Чрезмерная пылкость юности... Не ведая невзгод с малых лет, он возомнил себя всемогущим, — вздохнул преподобный Цинъян, качая головой. — Слишком уж спешил. Если бы только...

— А по какому праву мы смеем судить его? — холодно перебил его Гу Янь.

Цинъян обомлел:

— Что?

— Чжу Юэнин ступил на путь культивации в три года, в пять достиг Концентрации Цзи, в восемь заложил Основание, а в шестнадцать сформировал Золотое ядро, — ровным тоном произнес Гу Янь. — Почему же в двадцать шесть он не имел права попытаться сотворить зародившуюся душу? Он рожден был истинным избранником небес, гением среди гениев. Какое право имеют обычные люди мерить его своими ничтожными мерками?

Лягушка на дне колодца не ведает о бескрайних небесах. Ей не дано увидеть ослепительный свет, озарявший мир Чжу Юэнина, так с какой стати она пытается загнать дракона в рамки своего узкого кругозора?

— Но ведь он потерпел неудачу... — пробормотал Цинъян.

Гу Янь насмешливо фыркнул:

— И что с того?

Он взял из фарфоровой пиалы каленый орех и, сжав его двумя пальцами, с четким хрустом раздавил скорлупу. Бросив ядро в рот, Гу Янь с невозмутимым видом проговорил:

— Даже если мы будем усердно и осторожно культивировать до ста или двухсот лет, а затем попытаемся сделать шаг к Зародившейся Душе — кто даст гарантию, что мы не потерпим крах?

Цинъян на мгновение замер, погрузившись в молчание:

— Твоя правда.

Путь к бессмертию долог и полон опасностей. Сколько практиков погибает в тайных обиталищах или под ударами небесной скорби! Сам Цинъян уже почти тридцать лет застрял на

пике стадии Золотого Ядра, тщетно ища заветную возможность для прорыва.

Мысли о собственной судьбе тяжким грузом легли на плечи старика, и он потерял всякий интерес к обсуждению Чжу Юэнина, погрузившись в мрачные раздумья.

Гу Янь молча перевел взгляд на сказителя.

Молчание между учителем и учеником длилось около получаса, пока в залу не вернулись Чжао Чжэньюй и Линь Чжэньчжэнь. Судя по довольному виду Линя, тот нашел подходящий подарок для Нин Шуанфэна. А вот лицо Чжао Чжэньюя оставалось хмурым и угрюмым.

В ожидании отплытия Чжао Чжэньюй несколько раз порывался заговорить с Гу Янем, но всякий раз, стоило ему открыть рот, радостные возгласы толпы заглушали его слова. Гу Янь не обращал на него ни малейшего внимания. В хорошем расположении духа он доел орехи, вытер пальцы и поднялся:

— Пора на корабль.

Их ждал крупный торговый корабль, пришвартованный у пристани. Роскошное судно сияло чистотой, а на высоких мачтах развевались флаги гильдии.

Гу Янь пригляделся. На одном из флагов красовалось золотое денежное дерево — знак Торгового дома Ванбао.

Внутри судно поражало простором и изысканностью отделки. Холлы и коридоры были настолько широки, что по ним можно было гулять, не стесняя движений, а убранство кают ничуть не уступало богатым постоялым дворам.

Корабль насчитывал три палубы: нижняя отводилась под товары, а на второй располагались жилые каюты разных категорий.

Преподобный Цинъян заплатил двести духовных камней за два помещения и, повернувшись к ученикам с двумя нефритовыми табличками в руках, мягко проговорил:

— Янь-эр пойдет со мной, а Чжэньчжэнь и Чжэньюй займут соседнюю каюту, согласны?

— Я хочу жить с учителем! — тут же запротестовал Линь Чжэньчжэнь.

Цинъян взглянул на старшего ученика:

— Янь-эр...

— Как хотите, — безразлично отозвался Гу Янь.

Он подошел к стойке управляющего каютами и достал белую нефритовую карту:

— Оформите мне каюту.

Это была накопительная программа Торгового дома Ванбао: потратив более тысячи духовных камней среднего ранга, покупатель получал белую карту, за десять тысяч — серебряную, а за сто тысяч — платиновую. Выше стояли лишь кристаллическая и яшмовая карты.

Хотя Гу Янь ничего ценного в Ванбао не покупал, все свои духовные растения и урожай он продавал исключительно через Юй Ци. Реализация двухсот плодов Билин, фиолетовой колокольчиковой травы и изящных красных бобов разом вознесла его на уровень белого нефрита. Эта карта давала право бесплатно питаться и проживать в любых заведениях Торгового дома Ванбао, включая их торговые суда.

Девушка-практик третьего уровня Концентрации Цзи, отвечавшая за распределение кают, при виде карты высшего гостя просияла искренней улыбкой:

— Рада приветствовать уважаемого гостя! Позвольте я лично провожу вас. Вскоре вам доставят лучший духовный чай и изысканные кушанья.

— Благодарю, — кивнул Гу Янь.

Забрав ключи, он повернулся и встретил сложные, полные смешанных чувств взгляды спутников.

— У старшего брата так много духовных камней... — с ядовитой завистью проговорил Линь Чжэньчжэнь.

Гу Янь усмехнулся.

В прошлой жизни они путешествовали тем же составом. Тогда он отдал восемьдесят плодов Билин Цинъяну, а остальные поделил поровну между спутниками. Все его тридцать плодов ушли на подарок Нин Шуанфэну, да и собранные травяные снадобья он продать не мог. Из-за стесненности в средствах ему пришлось ютиться в одной каюте с Чжао Чжэньюем.

Он помнил, как Чжао Чжэньюй и Линь Чжэньчжэнь целыми днями бегали по судну, покупая дорогие сладости, легкий шелк, модный среди аристократов Союза, и целые сундуки всяких безделушек.

Тогда Гу Янь искренне завидовал их легкости, но статус старшего брата-наставника не

позволял ему просить о подарках. А сам Чжао Чжэньюй ни разу не подумал купить что-то для него.

Единственным «даром» от младшего брата стала тарелка крабовых печений, которые купил Линь Чжэньчжэнь, но, попробовав, счел невкусными. Гу Янь прежде никогда не пробовал такого лакомства и с радостью съел угощение, запивая теплым чаем.

Печенье давно остыло и отвратительно разило рыбой.

Каким же глупцом он был тогда!

Гу Янь покрутил в пальцах нефритовый ключ и с мягкой, теплой улыбкой произнес:

— Я и сам лишь недавно понял... Оказывается, если не отдавать свое имущество другим, жизнь становится удивительно прекрасной.

Лица Чжао Чжэньюя и преподобного Цинъяна мгновенно изменились, побледнев.

Не обращая на них более ни малейшего внимания, Гу Янь направился к своей каюте.

<http://bllate.org/book/19602/1934227>